Рассказы Александра Шалыгина

ИСТОРИИ БЕЛОГО ШАМАНА

Автор идеи и литературной обработки —
Людмила Мулинцева

Людмила Мулинцева

Истории белого шамана

«Автор»
2026

Мулинцева Л.

Истории белого шамана / Л. Мулинцева — «Автор», 2026

Александр Шалыгин живёт на Семинском перевале на Алтае. Его называют Белым шаманом. В его рассказах семейные воспоминания соседствуют со встречами, которым трудно найти объяснение, а повседневная жизнь тесно переплетается с миром духов.Эта книга сложилась из бесед с Александром — о детстве, предках, шаманском пути, вещах-помощниках и людях, которые приходят к нему со своими тревогами и надеждами. Он рассказывает о пережитом так, как помнит и понимает сам.«Истории белого шамана» — книга для тех, кому интересны Алтай, шаманские традиции и личные истории людей с необычной судьбой. В ней звучит живой голос человека, для которого видимый мир — лишь часть жизни.

© Мулинцева Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От составителя 6
О рассказах и работе с ними 7
Глава 01. Почему меня называют белым шаманом 9
Глава 02. Камень, который смотрел 12
Глава 03. Два медведя 14
Глава 04. Кровь предков 16
Глава 05. Три дня в бане 19
Глава 06. Квартира, куда я боялся возвращаться 20
Глава 07. Дом, которого не было 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Людмила Мулинцева
Истории белого шамана

РАССКАЗЫ АЛЕКСАНДРА ШАЛЫГИНА
Истории белого шамана
Автор идеи книги, составитель
и автор литературной обработки
Людмила Мулинцева
2026

Истории белого шамана

Рассказы Александра Шалыгина Автор идеи книги, составитель и автор литературной обработки — Людмила Мулинцева

Иллюстрированное издание

События переданы по воспоминаниям рассказчика. Сны, видения и представления о духах отражают его личный опыт и убеждения. Иллюстрации — художественное прочтение историй.

От составителя

Моя работа с Александром началась задолго до этой книги.

В 2022 году он позвонил мне и попросил помочь с продвижением в интернете. Я согласилась: мне было интересно познакомиться с ним ближе, услышать его истории. Мы начали готовить рассказы и статьи о его жизни, публиковать их. Работа шла активно, почти каждый день.

Потом случился кризис. Всё остановилось, и к этим материалам мы не возвращались несколько лет.

В сентябре 2026 года я сама написала Александру. Напомнила, что мы начали хорошее дело и оставлять его незавершённым было бы жаль. У нас уже были интересные рассказы, но многое ещё оставалось нерассказанным. Я предложила собрать его истории в книгу.

Александр согласился. 15 сентября мы приступили к работе.

Мне хочется рассказать и о том, что происходило со мной в это время. Ещё в первые годы нашего сотрудничества Александр передал мне слова своего наставника. Тот говорил, что я не понимаю, с чем связалась: человек из обычного мира помогает шаманам.

Меня эти слова испугали. Тогда мне снились страшные сны, я плохо спала. До этого я с интересом занималась статьями, а теперь стала тревожиться.

Когда мы начали писать книгу, похожее состояние вернулось. Примерно неделю я постоянно просыпалась по ночам. Было страшно, временами возникало ощущение чьего-то присутствия. Я не знаю, чем это объяснить. Но помню, как трудно было успокоиться и заснуть.

Потом Саша позвонил и рассказал, что наставник одобрил нашу идею, благословил меня на работу над книгой и провёл обряд. По словам Александра, он сказал, что у меня всё получится.

После этого разговора я почувствовала облегчение. Постепенно вернулся спокойный сон, ушёл страх. Я смогла продолжить работу.

Для меня это тоже часть истории книги. Она началась с телефонного звонка в 2022 году, надолго остановилась и спустя несколько лет снова собрала нас за общей работой. Теперь мне хотелось довести её до конца: сохранить рассказы Александра и дать другим людям возможность их прочитать.

О рассказах и работе с ними

В этой книге Александр Шалыгин рассказывает о детстве в Бурятии, своей семье, жизни на Алтае и людях, с которыми его свела работа. Его называют белым шаманом. Мне хотелось сохранить его рассказы и то, как он сам понимает пережитое.

Рассказы от первого лица прошли литературную обработку. Диалоги восстановлены по памяти рассказчика, а не по стенограммам самих событий. Истории о прадеде передаются со слов старших; Александр не был их очевидцем. Сны, видения и представления о духах сохранены как его личный опыт и убеждения.

Исторические пояснения и значения названий предметов собраны в примечаниях. Рассказы о болезни и помощи не устанавливают медицинский диагноз, причину изменения состояния или результат лечения.

В необычных историях Александра я слышу и то, что близко многим из нас: память о родных, сомнения, ответственность за свои слова, заботу о доме и близких.

Людмила Мулинцева

Глава 01. Почему меня называют белым шаманом

Почему меня называют белым шаманом? Сначала всё объясняли родом. В нашей семье мужскую линию — отца, деда и прадеда — связывали с белой стороной, женскую называли тёмной. Так я слышал и так объяснял это себе. Мой дар шёл от мужчин нашего рода: прадед лечил людей, дед тоже умел то, чего не умели другие. Поэтому люди и стали говорить обо мне — белый шаман.

Но с годами я понял: одного происхождения для такого имени мало. Белое шаманство я не считаю религией или особым званием. Шаман находится между мирами и старается сделать так, чтобы человеку стало лучше. Судить о нём нужно по делам. Одежда, обряды и громкие слова сами по себе ничего не говорят.

Я работаю с хозяевами местности — хозяином горы, реки, леса, того места, куда пришёл. Прежде чем что-то делать, прошу разрешения. Духов угощают белой пищей, молоком, чаем, тем, что не связано с кровью. Я не приношу кровавых жертв. Наверное, поэтому меня и относят к белой стороне: я стараюсь работать по совести и обращаться к светлым силам.

При этом мир не делится пополам так просто, как чёрное и белое на листе бумаги. Шаман знает и верхний, и нижний мир. Он должен понимать, с чем имеет дело, но не обязан служить всему, что встретит. Можно получить силу и потерять себя. Можно решить, будто тебе позволено всё, потому что ты видишь больше других. Именно здесь начинается опасность.

Однажды я встретил женщину, которая общалась с некой силой через тарелку и карты. Стрелка двигалась прямо на глазах, приходили ответы, и женщина поверила, что с ней говорит божественная энергия. Эта сила даже назвала себя человеческим именем — Ольгой.

Я воспринимал устройство невидимого мира как несколько энергетических слоёв. По моему ощущению, существо, с которым общалась женщина, находилось не там, откуда приходят светлые помощники. Оно обещало ей способности и внимание, но постепенно забирало силы. Женщина ставила ему угощения, всё чаще обращалась за ответами и становилась всё более зависимой от этой связи.

Я пытался предупредить её, но она решила, что я завидую её способностям и слишком много о себе думаю. Мы перестали общаться. Через некоторое время она тяжело заболела и снова обратилась ко мне.

После работы ей стало легче. Вместе с болезненным состоянием начали исчезать и те способности, которыми она так гордилась. Тогда женщина обвинила меня уже в другом: будто я сначала дал ей силу, а потом забрал и оставил жить обычным человеком.

После этой истории я ещё осторожнее отношусь к силам, которые отвечают человеку. Не всякая приходит ради его добра. Сначала человек чувствует могущество, верит, что видит больше всех и почти неуязвим. А потом связь требует всё больше энергии, и уже непонятно, кто кем управляет.

Самому решить: «Я стану шаманом» — невозможно. Можно выучить слова, купить бубен, надеть одежду, но путь от этого не откроется. У меня даже мысли такой не было. Наоборот, долго хотелось жить проще и не чувствовать того, что чувствовал я.

Когда я приехал в Бурятию к старшим шаманам, Даба-Цырен Васильевич Будаев сказал мне прямо: «Я с тобой считаюсь. Ты будешь сильнее меня. Дурковать не станешь — будешь работать с людьми и помогать».

Услышанное было для меня тяжёлой ношей. Чем больше замечаешь, тем яснее видишь чужую боль и тем труднее принять, что помочь можно не каждому. Иногда человек хочет волшебную палочку: чтобы за один обряд исчезли болезни, долги, одиночество и страх, а самому меняться не пришлось.

Но так не работает. Если человек начинает работать с собой, постепенно меняется и всё вокруг него. Когда же кто-то обещает исполнить желание по щелчку пальцев, цена может оказаться гораздо больше денег.

Шаман редко думает о том, как назвать самого себя. Ему важнее понять, почему к нему пришёл человек и что можно сделать. В этом смысле я похож на диспетчера: выслушиваю одну сторону, обращаюсь к другой и стараюсь провести человека через трудное место. Решают духи, решают люди, а ты отвечаешь за то, чтобы не солгать и не навредить.

Мне кажется, шаману разрешено говорить правду, даже если она неприятна. Но правду нельзя бросать в человека камнем. Если я не могу помочь, всё равно должен объяснить почему, успокоить, показать, куда идти дальше. Самое страшное — оставить человека один на один с его страхом, предварительно убедив, что над ним висит беда.

Во время работы бывает состояние, в котором слова приходят сами. Потом человек звонит и говорит: «Александр, вы велели сделать вот это — и всё произошло именно так». А я не помню разговора. Словно на это время память выключили.

После такого звонка я ещё раз мысленно возвращаюсь к ситуации, перепроверяю её, смотрю, всё ли сделано правильно. И благодарю за то, что история закончилась хорошо.

Люди часто связывают шаманизм со злом, колдовством или обещанием мгновенного чуда. Но те, кому нужна помощь, всё равно приходят, иногда тайком, чтобы никто не увидел. Приходят с вопросом, с которым больше некуда идти.

Если бы ребёнок спросил меня, кто такой белый шаман, я рассказал бы ему о белом дедушке, который живёт высоко на снежной горе. Вокруг него много зверей, и все они его знают. Иногда дедушка спускается к людям, садится рядом, слушает их и тихо помогает.

Но он обязательно оставляет человеку урок, чтобы тот сам понял, почему с ним случилась беда и чему она хотела его научить. Наверное, белым шаманом можно назвать того, после встречи с которым человеку становится яснее, как жить дальше, а на душе остаётся тепло.

Глава 02. Камень, который смотрел

Сомневался ли я в своём пути? Конечно. Сомнения приходят каждый раз, когда особенно трудно. Тогда я вспоминаю детство — военную квартиру, странные голоса, силуэты, которые видел только я, и один камень, найденный возле подъезда.

Мы жили на пятом этаже дома, где селились семьи военных. Однажды я заигрался во дворе до темноты. Мама вышла на балкон и крикнула, чтобы я немедленно шёл домой. Я обежал пятиэтажку, уже почти добрался до подъезда, споткнулся и заметил на земле что-то блестящее.

Для ребёнка любой необычный камешек — сокровище. Я поднял его и зажал в ладони. На первом этаже горела тусклая лампочка, в подъезде пахло сыростью. Я раскрыл руку, посмотрел на находку — и увидел, что камень смотрит на меня.

Внутри него словно находился зрачок. Он двигался из стороны в сторону, а мне казалось, что живой взгляд следит за мной. От страха я выбросил камень и побежал наверх. Но утром вернулся, нашёл его и всё-таки принёс домой.

Тогда я впервые подумал, что камни могут быть живыми и хранить память. Я учился во втором классе и ещё не знал слов, которыми взрослые объясняют такие ощущения. Просто начал собирать камни. Брал один, потом другой, слушал их и почему-то чувствовал, откуда они могли быть принесены.

У каждого была своя тяжесть и своя вибрация. Особенно я боялся гладких чёрных камней. Они казались холодными изнутри, словно отталкивали руку. Другие, наоборот, хотелось долго держать, разглядывать и угадывать их дорогу.

Может быть, я испугался узора или отблеска под слабой лампочкой. Но для меня такие случаи складывались один к другому, и я не мог считать всё случайностью. Так я начал прислушиваться к своим ощущениям, ещё до учителей и обрядов, когда совсем не понимал, что со мной происходит.

Детство пришлось на девяностые. Вокруг менялся привычный мир: рынки, торговцы, варёные джинсы, разговоры о деньгах. Взрослые пытались выжить и редко замечали то, о чём говорил ребёнок. А я видел одновременно две жизни — обычную, шумную, и другую, которую невозможно было показать пальцем.

Когда сейчас становится тяжело, я мысленно возвращаюсь в тот сырой подъезд. Вижу тусклую лампу, свою маленькую ладонь и камень со взглядом внутри. Задолго до того, как меня назвали шаманом, я уже чувствовал, что мир может быть не таким неподвижным, каким кажется.

Глава 03. Два медведя

Однажды на Алтае ко мне пришёл молодой парень. Пришёл украдкой, чтобы на базе никто не видел. Узнал, что неподалёку живёт человек, которого называют шаманом, и решил проверить: вдруг поможет.

Несколько ночей подряд ему снились медведи. Незадолго до этого произошла трагедия с участием медведя, о которой много говорили, и парень решил, что кошмар появился из-за услышанных новостей. Но сон повторялся, он просыпался мокрый, с тяжестью в груди, и уже боялся ложиться спать.

Мы сели рядом, и я попросил его не торопиться, рассказать всё с самого начала. Он жил в гостевом доме вместе с друзьями. Сам спал в гостиной на большом диване возле окна, остальные разместились в других комнатах и наверху.

Во сне наступало утро. За окном светало. Парень вставал с дивана, подходил ближе и видел двух медведей. Один лежал и спал, второй поднял голову и смотрел прямо на него. Парня охватывала паника. Он бросался будить друзей, кричал — и в этот момент просыпался, задыхаясь, будто кто-то давил ему на сердце.

Когда я начал работать, передо мной возникла та же картина: диван, рассвет в окне, один лежащий медведь и второй, который сторожит. Я объяснил парню, что по шаманскому пониманию медведи пришли не причинить зло. Напротив, они встали рядом как защитники.

Кто-то мог направить в его сторону недоброе намерение — из зависти, из желания отнять удачу или вытеснить с работы. Но на Алтае многие места имеют своих хозяев. Люди, живущие на земле, угощают их, благодарят, сохраняют с ними связь. Дух места мог прийти к гостю в образе медведя и разбудить его прежде, чем во сне случится что-то худое.

Я сказал, что его нужно очистить. Взял бубен и начал разбивать то тяжёлое, что ощущалось вокруг него. Потом окурил дымом. В доме было прохладно, поэтому я растопил печь, налил горячего чая, достал шоколад. Парень сидел возле огня, постепенно отогревался и успокаивался.

Возможность выговориться, согреться и перестать ждать нападения тоже помогает. Я видел, как парень успокаивался возле огня, за чаем и разговором.

Когда парень вошёл, плечи у него были сведены, голова опущена. Уходил он иначе — распрямил спину, поднял голову, будто с неё сняли тяжесть. Я смотрел ему вслед и думал о двух медведях. Для него они были кошмаром. Для меня — стражами, которые всю ночь лежали у окна и не подпускали беду.

Глава 04. Кровь предков

Моего прадеда звали Дмитрий Васильев. Я сам его не застал: всё, что знаю о нём, складывалось из рассказов старших. В семье его не называли шаманом, магом или сверхъестественным человеком. Говорили просто: к нему приходили люди, и он помогал. Его сыном был мой дед Иннокентий Дмитриевич. Бабушка Шура была женой Иннокентия, а не дочерью Дмитрия. Большую часть этих историй я услышал от них; что-то рассказывала мама. Теперь я ещё раз расспрашиваю дядю, чтобы не перепутать имена и поколения.

Отец бабушки Шуры погиб на фронте. Она и другие ребятишки, оставшиеся без отцов, ходили к Дмитрию за помощью. Он подсказывал, как быть, помогал. Дети звали его Тятей. Некоторые и взрослыми продолжали обращаться к нему как к отцу. Отсюда это слово в бабушкином рассказе: Дмитрий заменил им отца.

Прадед сажал человека на старую табуретку и водил руками, будто ощупывал невидимый слой воздуха. Позже я понял это по-своему: сначала он очищал, потом возвращал человеку силы. Та самая табуретка находится у меня и сейчас. У неё заменены сиденье и некоторые деревянные детали, но в семье это по-прежнему прадедова вещь. Когда смотрю на неё, старые рассказы перестают быть совсем далёкими.

По рассказам бабушки, когда Дмитрий работал с людьми, электрические лампочки могли трескаться, а радио — замолчать. Вспоминали и шипение телевизора. Но своего телевизора у прадеда не было: за ним приезжали, забирали к людям, которым нужна была помощь. Поэтому рассказ о телевизоре относился к чужому дому. Когда именно это случилось, я не знаю. Все эти случаи в семье связывали с Дмитрием, хотя теперь допускаю: за долгие годы какие-то истории могли соединиться.

За дедом приезжал чёрный воронок. Эту историю я знаю со слов бабушки Шуры. Она вспоминала, что была тогда маленькой девочкой, жила на той же улице и побежала его предупредить. Точного года я назвать не могу.

На её счастье, перед деревней была речка. Прежде чем проехать по льду, люди из машины вышли и проверяли его сапогами. Эти несколько минут дали ей добежать. Бабушка кричала: «Тятя, тятя, за тобой воронок едет!»

У прадеда уже лежал готовый узелок. В нём были соль, спички и кусок хлеба. По семейному рассказу, дрожжевой хлеб он не ел: считал, что после него на несколько дней пропадает духовное зрение. Он надел тёплый бекеш на овечьей шкуре, шапку, спрятал рукавицы за пазуху и вышел с заднего крыльца.

За огородом начинался покос, дальше стояла изгородь из жердей, текла узкая речушка, а за ней поднималась тайга. Прадед перемахнул через воду и исчез среди елей. Бабушка запомнила, как с ветвей посыпался снег.

Машина въехала в деревню. Люди выбежали, увидели следы и бросились к лесу. Один из них побежал следом. Примерно через полтора часа он вернулся мокрый, снял промокшую фуражку и выглядел так, будто увидел в тайге нечто, о чём лучше молчать.

Начальник спросил, что произошло. Преследователь рассказал: сначала перед ним были человеческие следы. Они петляли по лесу, как заячьи, а затем привели к большому пню. На пень человек будто запрыгнул — и дальше пошли уже не следы лаптей, а отпечатки огромной рыси или волка. Преследователь испугался, что погибнет, если побежит дальше, и повернул назад.

Командир выслушал его и ответил: «Я этой речи не слышал. И ты никому её не рассказывай». После этого люди сели в воронок и уехали.

По характеру прадед был спокойным и весёлым. Много шутил, напевал песни, мог начать плясать, но часто надолго задумывался. Умел строить избы и знал, когда заготавливать лес — на растущую или уходящую луну. Собирал травы.

Перед выпечкой хлеба он не любил лишних разговоров. Иногда оставался в избе один, разговаривал с домовым и оставлял ему угощение.

В семье говорили о прадедовых книгах и тетрадях. Что именно он записывал и что читал, я не знаю. После его смерти записи искали в подполье и погребе. Рассказывали, что он прятал их под домом и не позволял заглядывать внутрь: неподготовленный человек, говорил он, может узнать правду и сойти с ума. Это его предупреждение сохранилось в семейной памяти. Нашли ли рукописи после разбора дома, мне неизвестно.

Когда я был маленьким, самого дома прадеда уже не осталось, даже печь исчезла. Но место было перерыто, словно по нему прошёл экскаватор. Я видел следы поисков, о которых рассказывали старшие.

В семейных рассказах сохранилось название «Книга леса». Сам я этой надписи не видел. Родственники уже не уверены, где она находилась: на книге или на коробе с записями. Что это была за рукопись, пока неясно.

Дед Иннокентий рассказывал мне на покосе, что один из наших более далёких предков привёл людей с Урала в эти места ещё при царях. В семейной памяти это переселение связывали с Топкой — селом в нынешнем Бичурском районе Бурятии. Речь идёт не о Дмитрии, а о более раннем предке. Ни его имени, ни точного времени переселения пока не знаю. Родные говорили, что люди уходили от гонений. Кто именно участвовал в основании села и когда это произошло, по одному семейному рассказу установить нельзя. Жили на земле, держались своего уклада. А о Дмитрии рассказывали, что он обращался к деревянным родовым образам, которые называл чурами: разговаривал с ними, порой даже сердился, если считал, что они кого-то не уберегли.

У Дмитрия был сын Андриан, огромный, физически сильный человек. Дядя уточнил: его назвали в честь отца Дмитрия. О его силе в семье рассказывали почти сказочное: если он приподнимал дерево, лошадь могла его увезти; зимой от его руки лопался промёрзший обод. Так в семье помнили и тех, кто помогал людям своим даром, и тех, кто славился физической силой.

Во время грозы самые крепкие деревенские мужчины боялись подниматься на гору, а прадед шёл туда один. Люди заранее передавали ему записки с вопросами: что будет со скотом, можно ли уезжать, как поступить семье.

Вернувшись, он рассказывал, кому следует подождать, кому — изменить решение, а кому — принять то, что уже идёт к нему. Одному юноше прадед велел до двадцати двух лет носить белые рубахи и не уходить служить раньше срока. Парень не дождался назначенного возраста и погиб.

Прадед будто заранее знал, когда к нему привезут больного. Мог сидеть у печи, курить трубку, а потом сказать жене: «Сейчас мальчонку привезут, приготовь чистое полотенце». Через некоторое время во двор действительно въезжала машина.

Двенадцать лет я собирал родословную. Встречался с дальними родственниками и стариками, которым было по девяносто и почти по сто лет. Обнимал их, записывал рассказы, собирал фотографии в альбомы. Хотелось соединить всех в одну семью, хотя я понимал: каждый уже прожил свою дорогу.

Был период, который кто-то назвал бы шаманской болезнью, а кто-то — перерождением. Я тяжело болел, сопротивлялся и одновременно начал смотреть на происходящее словно глазами предков. Иногда хотелось надеть старую одежду тех лет, когда жили прадеды, и просто идти в ней по дороге, не объясняя почему.

Однажды во время работы мама посмотрела на меня и заплакала: на несколько секунд ей показалось, что вместо моего лица она увидела другое, старое. Потом всё стало обычным. В такие минуты я чувствую ответственность, будто за мной наблюдают и ждут, как я поступлю.

Поддержку предков я особенно чувствую на горе. Иногда прихожу туда с вопросом и получаю ответ не сразу — через неделю, месяц, полтора. Бывает, спускаюсь смеясь: настолько просто мне показывают то, над чем я долго мучился. Бывает, спорю и спрашиваю, почему не помогли раньше. На такие упрёки ответы порой приходят быстрее всего.

Когда работаю один на стройке, беру топор, обтёсываю бревно и вдруг вспоминаю деда. Могу сесть, посмотреть на гору и не заметить, как прошёл час. В такие минуты кажется, что рядом стоят те, кто до меня строил дома, растил детей и принимал трудные решения.

Забывая предков, человек теряет опору, совесть и веру в себя. За каждым из нас стоит множество людей, которые трудились, чтобы мы появились на свет.

Память о них не решит все проблемы, но заставит спросить себя: как бы я поступил, если бы за мной сейчас наблюдали дед и прадед? Этот вопрос часто возвращает на место. Дерево без корней стоять не может.

Глава 05. Три дня в бане

Эту историю я знаю по семейным рассказам о прадеде Дмитрии. Сам я её свидетелем не был. Позднее дядя пояснил: молодого человека в семье называли бесноватым и говорили, что Дмитрий его лечил. Так старшие описывали происходившее; медицинских сведений у меня нет.

Людей прадед принимал не в доме, а в отдельной бане. Он сам срубил её без единого гвоздя. Детям туда не разрешали ходить мыться: это было место его работы.

Когда прадед уже состарился, к нему приехали несколько бурят. Молодого мужчину привезли связанным, на небольшой машине. В пересказе я называл её «Москвичом» и «каблучком», вспоминал снятую верхнюю часть кузова. Но точную модель и год этой поездки не знаю.

С ним приехали отец, дядя и ещё один помощник из их села. По семейному рассказу, парень был очень высоким и сильным, почти двухметровым. Он мог стать опасным для себя и окружающих, и родственники уже не знали, куда обращаться.

Прадед посмотрел на приехавших и велел развязать молодого человека. Потом отвёл его в баню. Дрова и травы уже были заготовлены, словно он заранее знал, что они понадобятся.

Перед тем как закрыть дверь, прадед сказал: три дня никому в баню не заглядывать. Родственники остались возле дома. Они боялись уезжать и держали верёвки наготове — на случай, если всё закончится плохо. Семья кормила гостей, время тянулось медленно, но приказ прадеда никто не нарушил.

Три дня и три ночи он работал с парнем в бане. Что происходило внутри, в семье не знали: дверь была закрыта, и никто туда не входил.

На третий день из бани вышел спокойный, плечистый молодой мужчина. По словам деда, он находился в ясном уме и будто снова стал самим собой. Прадед не стал говорить о чуде. Он только попросил: когда наберёшься сил, приезжай зимой — будем рубить дома.

Парень кивнул и уехал с родными. А зимой действительно вернулся. Весь сезон он вместе с прадедом и моим дедом таскал лес и помогал складывать дома. Заготавливать дерево старались именно зимой; прадед знал, какое можно брать, а какое лучше оставить.

Позже семья молодого человека привезла в благодарность хорошее седло. Прадед отказался. Попросил вместо него тракторные колёса: хотел собственными руками сделать крепкую повозку для лошади. Когда колёса привезли, он был по-настоящему доволен.

Мне особенно запомнилось, что было после бани. Дмитрий не привязал человека к себе и не назначил платы. Позвал таскать брёвна, строить дома, чувствовать собственную силу. Таким прадед и остался в памяти старших.

Глава 06. Квартира, куда я боялся возвращаться

В детстве мы жили в Бурятии, в трёхкомнатной квартире военного городка. Мама служила связистом. Для взрослых это была обычная квартира в офицерском доме, а для меня — место, населённое существами, которых никто больше не замечал.

Я боялся входить домой один. На наружной стороне двери была круглая блестящая ручка. Она отражала прихожую и часть кухни, как выпуклое зеркало. Я открывал замок, но не переступал порог. Сначала долго всматривался в отражение: что там происходит, кто прячется внутри.

Однажды после школы я увидел в ручке кухню. Дверь туда была открыта. Со стола спрыгнуло что-то размером чуть больше собаки и мгновенно исчезло в кухонном гарнитуре. Я захлопнул дверь и снова повернул ключ.

В подъезде стоял большой ящик из-под снарядов, в котором жильцы хранили картошку. Я сел на него, не вынимая ключа из замка: мне казалось, что через скважину за мной наблюдают. Болтал ногами в коричневых школьных ботинках и пел песни, чтобы не было так страшно.

Соседи возвращались с работы и спрашивали: «Саша, почему ты не дома?» Я отвечал, что жду маму. Если её оставляли на ночное дежурство или объявляли тревогу, я мог просидеть в подъезде до утра. Потом, не умывшись и не почистив зубы, шёл в школу. Но сделать шаг в квартиру всё равно не мог.

Мама пыталась объяснить, что внутри никого нет и мне ничто не угрожает. Наверное, она думала, что у ребёнка слишком богатое воображение или что со мной не всё в порядке. Одновременно она встречалась с ламами и слышала от них вещи, которые заставляли относиться к моим словам серьёзнее.

После одного из таких разговоров, когда меня снова убеждали не бояться, в комнате сами собой загорелись шторы. Я выбежал, дверь захлопнулась, а старый замок не позволил вернуться внутрь. Приехали пожарные. Половина квартиры выгорела.

Мама решила, что пожар устроил я. Мне крепко досталось. После этого со мной стали оставлять солдат, чтобы ребёнок не натворил чего-нибудь ещё. Некоторые честно дежурили, другие просто засыпали на диване до вечера.

О случившемся я рассказал соседке. Она часто ходила в бигудях и почему-то много плакала. Выслушав меня, она разрешила после школы приходить к ней и ждать маму в её квартире. Больше мне не приходилось выбирать между страшной квартирой и ночным подъездом.

Первые видения начались ещё в детском саду. Тогда детей иногда оставляли ночевать на несколько дней, пока родители работали. Однажды мама забрала меня домой. Мы вошли в подъезд деревянного двухэтажного дома, и я увидел маленьких людей, которые сидели и разговаривали. Мама их не видела.

Потом мне стали попадаться незнакомые фигуры. Они подходили, что-то спрашивали, садились рядом и смотрели, как я играю. Всё происходило короткими вспышками: появились — и исчезли. Я ещё не умел отличать страх от любопытства и не понимал, почему взрослые смотрят на меня с тревогой.

В первом классе мы ехали в старом жёлтом автобусе. На переднем сиденье возле выхода сидел пожилой лама с чётками и долго смотрел на меня. Когда автобус остановился, он спросил, давно ли я вижу то, чего не видят другие. Я ответил, что давно и что мне не нравится на них смотреть.

Мама стояла сзади и молчала. Потом старик вышел возле дацана. После той встречи в моей жизни появились другие ламы и разговоры о том, что со мной происходит. Но легче

от одного названия не стало. Ребёнок всё равно оставался ребёнком и по-прежнему боялся тёмной кухни.

Спасением оказался школьный друг Максим. Я рассказывал ему о видениях, а он слушал и приносил книги из библиотек Кяхты. Мы сидели допоздна, читали повести, искали объяснения и пытались понять, есть ли подобные истории у других людей. Ему было интересно, а мне впервые стало не так одиноко.

До пятого класса мы были вместе, а потом его семья уехала в Минск. Только после его отъезда я понял, сколько времени он проводил в библиотеках, разыскивая для меня рассказы и сведения. Когда друг уехал, я снова замкнулся.

Иногда я плакал в школьном коридоре после очередной встречи с тем, кого видел только я.

Учительницу звали Инга Михайловна. Она не высмеивала меня и оставалась после уроков, задавала вопросы, старалась понять.

Она предложила рисовать увиденное. Рисовать получалось плохо, и тогда я сказал, что могу слепить фигурки из пластилина. Теперь то, чего я боялся, можно было поставить на стол и рассмотреть со всех сторон.

Родственникам мои рассказы казались признаком того, что со мной не всё в порядке. Кому-то хотелось бы получить необычный дар, а мне он был не нужен. Мне было тяжело и страшно. Даже много лет спустя часть семьи предпочитала считать, что я всё выдумываю или живу не в своём уме.

Сейчас думаю, что тяжелее всего было не иметь возможности показать взрослым то, что видел я. Оставалось ждать маму на ящике с картошкой, не выпуская ключ из замка.

Глава 07. Дом, которого не было

Я учился в третьем классе и жил в Кяхте, недалеко от границы с Монголией. Со старой частью города связано имя Троицкосавск. Родители были военными, поэтому после уроков за мной обычно присылали армейский УАЗик. Он подъезжал к школе, скрипел тормозами, внутри сидел дежурный солдат. А мои друзья шли домой пешком.

Я смотрел на них с завистью. До военного городка было километров семь, и мне казалось настоящей свободой идти всей компанией, останавливаться где захочется и не подчиняться расписанию машины.

Накануне летних каникул мы сбежали с уроков. В нашей компании были Александр Хлебодаров, Коля, Дима Нестеренко, Антошка Ярошенко и я; к нам присоединились ещё двое ребят из параллельного класса. Хлебодаров был второгодником, часто прогуливал и хорошо знал окрестности. Он и повёл нас задними дорогами. Я торопил друзей: нужно было уйти подальше, пока за мной не приехал УАЗик.

День стоял невероятно жаркий. На мне была синяя школьная форма с алюминиевыми пуговицами, тяжёлый ранец с надписью «Школьник» и коричневые ботинки, в которые быстро набился песок. Мы прошли через город и вышли к большому старому кладбищу. Мне казалось, оно занимало не меньше пяти гектаров.

Мы вошли с тыльной стороны и долго бродили между оградами. Ребята разглядывали могилы, подбирали оставленные конфеты. Хлебодаров нашёл сигареты, прикурил одну и пошёл дальше. Я держался позади и читал таблички. Часть кладбища была очень старой, ещё со времён Троицкосавска. Иногда мне казалось, что рядом с могилой стоит тот, кто там похоронен.

Возле одной ограды я увидел молодую женщину в белом платье. В руках у неё был белый зонтик от солнца, весь в рюшах. Она смотрела на меня и улыбалась. Я считал это своим воображением, но, подойдя ближе и высчитав годы на табличке, понял, что здесь действительно похоронена молодая женщина. Остальные ничего необычного не замечали.

К выходу я пришёл раньше всех. Ребята ещё оставались позади, что-то рассматривали и баловались остатками венков. У выхода стояла синяя арка, согнутая из трубы. Я вышел с территории кладбища, сел в тени возле забора и подложил под себя ранец. Потом повернул голову налево — и увидел дом.

Он стоял совсем рядом: деревянный, оштукатуренный и побелённый, с синими окнами и шиферной крышей. Фронтон был обшит старыми досками. К открытой двери, выкрашенной в красно-коричневый цвет, вело деревянное крыльцо в четыре ступеньки. Дверь была подперта палкой, а в проёме вместо защиты от мух висела мешковина.

Мне хотелось пить. Но ещё сильнее хотелось узнать, что находится внутри. Я поднялся на крыльцо, отодвинул мешковину, поздоровался и спросил, можно ли воды.

— Здравствуй, маленький сыночек. Проходи, не бойся, — ответила старуха.

Дом оказался одной большой комнатой без перегородок. Справа, ближе к середине стены, стояла печь. Слева у дальней стены — старая железная кровать без матраса. На ней сидел старик в белой рубахе, зелёных военных штанах и сапогах. Он держал трубку и тихо бормотал что-то себе под нос.

Окна были грязными и словно затянутыми копотью. Побелка тоже почернела, будто дом долго топили углём. Под потолком горела одинокая лампочка, к ней тянулась старая плетёная проводка. Половицы скрипели под ногами.

Старуха была в сарафане. Я запомнил её голубые глаза. Она стояла у стола и водила по нему тряпкой, хотя на поверхности не было ни крошек, ни посуды. В комнате вообще почти ничего не было: ни шкафов, ни комодов, ни тарелок и ложек.

У стены стояла большая синяя кадка, сделанная из дерева, литров на триста. Старуха сняла деревянную крышку и протянула мне ковшик — то ли железный, то ли оцинкованный. Я зачерпнул воду и начал пить.

В комнате запомнился и старый эмалированный таз с отколотой краской. Вместе с пустой кроватью и столом без клеёнки он остался в памяти как часть той бедной, почти пустой обстановки.

Вода была очень холодной и пахла тиной, болотом. Я пил жадно, но в какой-то момент горло будто перехватило. Старики молча смотрели на меня. В глазах старухи была радость, словно ей давно не с кем было поговорить, и одновременно что-то предупреждающее.

Я поблагодарил её, поставил ковшик и закрыл кадку. Потом спросил, что они здесь делают.

— Живём, — ответила она.

— А чем занимаетесь?

— Да вот, по хозяйству, по дому.

Я попросил разрешения посидеть и подождать друзей. Старуха согласилась, а потом достала карты и предложила мне погадать. Я тогда совсем не понимал карт. Она раскладывала их перед собой, посматривала на меня и говорила о моей будущей жизни.

Из её слов я особенно запомнил одно: у меня будут три женщины, с которыми я стану жить, а четвёртая будет моей. Я только улыбнулся и ответил: «Ну хорошо». Она давала и другие наставления, но их я уже не помню.

Через грязное окно я заметил светлые головы друзей. Они быстрым шагом проходили мимо дома. Я поблагодарил стариков и выбежал наружу. Старуха ещё что-то кричала мне вслед — какое-то наставление или наказ, — но слов я не разобрал.

Я схватил ранец, догнал ребят и даже хлопнул Хлебодарова ладонью по спине.

— Вы где так долго были?

Они удивились:

— Это мы тебя искали. Ты где был?

Я сказал, что устал, зашёл в дом попросить воды и показал назад. Ребята посмотрели туда, куда я указывал.

— В какой дом? Здесь никого нет.

Мы повернулись — а дома не было. Там, где только что стояли белые стены, синие окна и красно-коричневая дверь, ничего не осталось.

В доме я провёл минут пятнадцать, самое большее — двадцать. Для меня всё происходило совершенно обычно: я зашёл к старикам, попросил воды, поговорил и выслушал гадание. Поэтому исчезновение дома оказалось страшнее любой необычной фигуры на кладбище.

Позже, когда меня снова везли в школу на УАЗике, я старался разглядеть это место с дороги. Дом больше не появлялся. Я не возвращался туда пешком: в военном городке начались тревожные события, мама много служила, меня реже отпускали одного, а после истории с загоревшимися шторами за мной особенно следили.

В детстве я не сомневался, что встретил обычных стариков. Сейчас думаю иначе. Возможно, я на несколько минут вошёл в другой слой мира, а хозяева дома присматривали за старым кладбищем. Они не пугали меня и не удерживали. Просто дали уставшему мальчику воды, поговорили с ним и заглянули в его будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.